

Пётр Колесников

Устроитель

12+

Пётр Колесников

Устроитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48451960

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-94528-9

Аннотация

Повесть о возможностях безграничных космических путешествий, приключениях первооткрывателей сверхдальнего космоса, опасностях и тайнах новых технологий и научных открытий. Читатель проследит путь становления первой внегалактической колонии человечества – от зарождения небольшого форпоста в трех миллионах световых лет от дома до широкомасштабного конфликта с двумя чуждыми нашей вселенной расами. Дух первопроходцев, фантастические технологии, новые миры, завораживающие планетные системы, любовь и тайны мироздания – это лишь краткий список тем, поднимаемых в этой книге.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Пётр Колесников

Устроитель

Глава 1

– Вы скучаете по космосу?

– Нет. Скучаю, конечно, но не по самому космосу. По полету, по экипажу, по кораблю, наконец. Но не по этому черному ничто. Пустота огромных масштабов, о ней страшно думать, не то что скучать. Вы только задумайтесь – большинство писателей-фантастов не выбирались в своих произведениях дальше Млечного Пути. Им проще сбежать в параллельный мир, чем за горизонт местного скопления галактик. Не говоря уже о границах вселенной – туда только киношники иногда отправляются в своих больных фантазиях.

А нам пришлось оказаться в месте, куда более далёком чем та же Андромеда, в связи с обстоятельствами непреодолимой силы случая. То был всего лишь мой второй полет. Первый я пережил сразу после учебки на лунной базе – всего два месяца с миссией на Марсе, ничего особенного.

Вторым была двухлетняя экспедиция в Облако Оорта. В мои обязанности входил контроль режимов функционирования реактора – основной силовой установки корабля. Рабо-

та не пыльная, все автоматизировано, мне оставалось только собирать и анализировать данные с приборов. Реактор был новой модели, требовался постоянный мониторинг его деятельности, а у меня уже был опыт работы с наземными реакторами до службы на корабле. Вот меня и взяли в экспедицию начальником смены. Моим напарником был совсем молодой техник, проходивший стажировку в том полете.

Мы уже полгода были в полете, из них два последних месяца полным ходом шла основная научная работа.

В один из дней случился Скачок. Как будто перепад напряжения – потухло, загорелось. Как глазом моргнул. Телеметрия моего реактора не отреагировала. Но весь экипаж заметил перемены.

По сути, наша миссия была чисто научной. Изучение объектов Облака, ввод в эксплуатацию искусственных зондов, которые продолжают наблюдение уже без нас после завершения миссии, проведение опытов по переносимости организмами межзвездных полетов, да и много чего ещё. Калибровка гравитационных датчиков и датчиков светимости зондов занимала больше всего времени. Их приходилось настраивать для каждого зонда, настройка их на земле была бессмысленна – слишком велика погрешность вычисленных значений. Поэтому инженеры проводили тонкую настройку на месте, выводя каждый зонд в открытый космос и калибруя по ближайшим объектам.

Как в любой экспедиции, каждый день расписан – ты чет-

ко знаешь, что будешь делать до обеда, а что в следующую пятницу. И так все два года. Внештатных ситуаций практически не бывает – только их тренировки. Но и они в основном по расписанию. Так что через пару месяцев экспедиции становится скучно, и каждый пытается найти себе развлечение. Заключаются пари, устраиваются соревнования, завязываются интрижки и романы. В результате, с экипажем более чем двести человек, а точнее двести семьдесят шесть, не соскучишься. По составу мы представляли из себя смесь научно-исследовательского института широкого профиля и небольшого армейского гарнизона – основные руководящие должности были за офицерами Военно-Космического Флота, так как экспедиция финансировалась за счет Сил Обороны.

Итак, случился Скачок. Как я уже говорил, телеметрия моего реактора ничего не заметила. Зато сработала система контроля зондирования Облака – она в один момент выдала восемьсот пятьдесят три сирены о потерянном соединении с клиентом. Именно столько зондов мы успели выпустить. И именно столько объектов система потеряла в один прекрасный момент Скачка.

Я не вникал в подробности, но слухи о том, что мы потерялись пошли минут через двадцать, а на сороковой минуте Капитан объявил на нашем лайнере чрезвычайное положение и приказал всем оставаться на своих местах до дальнейших распоряжений.

В тот момент я находился за терминалом реактора, читал отчёт от предыдущей вахты, в котором все было обычно и, потому, уныло. О случившемся я имел понятие относительное, лишь переписка в бортовом полуофициальном чате бежала по резервному монитору и пестрила больше вопросами кто что слышал и знает, чем ответами. Да и отключили этот чат практически сразу после объявления командования. Смена моя только началась, из шести пять часов ещё были впереди, и я спокойно забыл о случившемся и углубился в текущие задачи. Меня ждали два фильма, пара нова альбомов любимых групп, небольшой серфинг по сети...

Проверив работу всех систем и прослушав половину запланированной музыки, пересмотрев все новости за последние сутки, я вспомнил об обращении Капитана. Внутренний чат все еще был отключен, молчание затягивалось. Вот уже полтора часа ничего нового не сообщалось, громкая связь молчала. Я уже начал беспокоиться не произошло ли чего серьезного. Наконец, тишина оборвалась, и по интеркому объявили, что ждут дежурных смены со всех технических постов через десять минут в зале брифингов. С собой было приказано захватить отчёт о происшествиях за смену. Резервные дежурные для подмены уже направлены на все посты.

Я взял в руки свой рабочий терминал и стал ждать. Через пару минут меня сменили. Новый дежурный, как и я, ничего не знал о ситуации, поэтому, не теряя времени, я направил-

ся к залу брифингов. Собралось около двадцати человек. За кафедрой – ещё пять офицеров во главе с Капитаном. Когда все утихли, он начал:

– На нашем корабле сложилась чрезвычайная ситуация. В 17:05 по корабельному времени произошел небольшой скачок напряжения. После чего система наблюдения потеряла все наши выпущенные зонды. Затем было обнаружено, что система навигации не может определить наше положение относительно основных космических тел – звездное окружение не соответствовало ожидаемому, объекты Облака Оорта отсутствовали. На данный момент все говорит о том, что, по не известным причинам, мы находимся не в Солнечной Системе, а совсем в другом месте.

На несколько секунд в зале повисла немая пауза. Это было похоже на какую-то шутку.

– Данные навигации ещё проходят проверку, но, скорее всего, мы находимся в окрестностях двойной звездной системы М33 Х7, галактика Треугольник, три миллиона световых лет от Земли.

Среди присутствующих прошелестел возглас, похожий на матерный шепот.

– Разумеется, координаты проверяются, но уже сейчас мы уверены в них более чем на восемьдесят процентов. Наше положение будет окончательно известно, когда закончится просчёт движения космических тел с учётом нашего перемещения – земная картинка этого места опаздывала на те са-

мые три миллиона световых лет. Но сейчас наша задача – понять, что произошло. Поэтому здесь собрались все специалисты, дежурившие в момент Скачка. Прошу вас по очереди доложить, что происходило на вашем посту с 16:45 до 17:15.

Мы поочерёдные доложили о происходившем у каждого на рабочем месте. Все докладчики сошлись во мнении что ничего нестандартного в этот период времени на их постах не происходило, кроме кратковременного, всего доли секунды, отключения освещения. Вся аппаратура работала в штатном режиме. Это было странным хотя бы потому, что даже столь незначительный перебой должен быть зафиксирован системой жизнеобеспечения. Командир отдал приказ одному из офицеров проверить эти показания ещё раз, и офицер удалился из зала.

Нас через пару минут тоже отпустили по своим местам, дав указания до конца смены внимательно отслеживать работу оборудования, а также проверить ещё раз отчеты за период инцидента.

Никто не верил, что мы оказались так далеко от дома, скорее всего произошла какая-то ошибка системы навигации. Но тогда куда подевались зонды?

Когда я вернулся в реакторную, до конца моей смены оставалось ещё пара часов. Мой сменщик был уже в курсе ситуации – видимо, основные новости брифинга распространялись также и по официальным каналам. За время моего отсутствия аппаратура продолжала работать в штатном ре-

жиге. Мы распрощались, и он отправился к себе в каюту.

А мне надо было в оставшееся время проверить ещё раз отчёты систем за аварийный период. Если он, конечно, был аварийным.

Через пару минут по интеркому передали новый приказ капитана – каждому члену экипажа подготовить подробный отчёт чем он был занят в период с 16:30 по 17:30 по корабельному времени. Отчет должен быть передан непосредственному начальству не позднее чем через час.

Таким образом два отчёта за два часа. Приступим.

В те первые часы основная часть команды была занята одним и тем-же – отчетами. Закончив свою смену, я отправился в столовый модуль. Немногочисленные посетители молча ужинали, никто не мог сказать ничего нового. Закончив приём пищи, отправился спать в свою каюту.

Потом потянулись дни без каких-либо новостей, одни лишь слухи и догадки. Капитан, все руководство экспедицией и ученые хранили молчание.

Через полтора месяца мы ни на йоту не продвинулись к пониманию произошедшего. Все отчеты были просмотрены, никаких отклонений. Из ученых, находящихся на борту, была собрана группа по расследованию инцидента. Но не было ни одной более или менее реальной теории. Мы просто за восемь десятых секунды переместились туда, куда только доходил свет от нашей планеты времён зарождения человека.

В принципе, было все равно, остаёмся ли мы в Облаке

Оорта или где-то ещё – наша экспедиция была полностью автономна. Мы могли находиться на само-обеспечении достаточно долго. Растительная и животная пища выращивались искусственно с помощью биоинженерии. Реакторы были рассчитаны на несколько десятков лет в режиме хода. В нашем положении они были нагружены всего на десять-двенадцать процентов. Мы никуда не летели, пассивное жизнеобеспечение выжигало топливо настолько медленно, что о дефиците топливных элементов нам пришлось бы задуматься лишь лет через сто.

Разумеется, так долго здесь оставаться никто не собирался.

Работа научной группы все время после Скачка в основном заключалась в том, чтобы повторять всю выявленную последовательность действий экипажа перед скачком. Обработав все отчёты, подготовленные в первые часы после инцидента и не обнаружив ничего необычного, они восстановили все действия нашего экипажа и показатели работы бортового оборудования в течении последних суток. Затем Капитан провёл совещание командного состава при участии ученых. Было принято решение провести точную репликацию всех событий последнего часа перед событием. На подготовку отвели неделю.

Потом ещё неделя ушла на репетиции и настройку оборудования. Измерительное оборудование было размещено по всем отсекам и снаружи. Корабль вернули в расчетную точку

прибытия. Мы снова пережили тот день. На всякий случай были восстановлены даже пол часа после Скачка.

И ничего.

Один умник предложил – и с ним согласились – повторять момент Скачка пока не получится. Но по особой схеме – сначала повторяем события с 16:45 до 17:15, следующий проход с 16:30 до 17:30, и так далее. Идею мало кто понял, но, видимо, от нечего делать все согласились.

Порядок действий был прост – день эксперимента, затем день обработки результатов и день подготовки к новому эксперименту. Итого три дня на итерацию.

Через полтора месяца мы дошли до прохода 13:45-20:15.

В 13:50 эксперимент остановили. Просто дали отбой по общей связи, и все. Позже оказалось, что в одной из лабораторий в этот отрезок времени уже почти три месяца назад прямо перед Скачком начались исследования темной материи, и лаборант обнаружил, что в тот момент вводил координаты для исследования космического пространства. И эти координаты полностью совпадали с нашим теперешним положением.

Все ученые немедленно были привлечены к изучению работ, проводившихся в той лаборатории. Было вполне вероятно, что мы прыгнули в эту часть вселенной с помощью лаборантов этого модуля.

Появилась хоть какая-то надежда. Всему экипажу, не вовлеченному в дежурства и изучение злополучной лаборато-

рии, дали выходной до конца дня.

На следующий день все работали по штатному расписанию. Во время утреннего брифинга было объявлено о приостановке попыток воспроизвести Скачок до окончания работы в лаборатории тёмной материи.

Надо заметить, что ситуация, в которую мы попали, не располагала к веселому настроению и всеобщей любви. За все время, проведённое в Галактике Треугольник, наш экипаж стал похож на стадо ежей, готовых колоть друг друга до умопомрачения при любой встрече. В итоге, уже к концу четвертого месяца мы практически находились на военном положении, были загружены работой по самые уши, лишь бы меньше времени оставалось на всякую ерунду. А ученым так и не удалось до конца понять, что с нами случилось.

И тогда капитан объявил всему кораблю, что не хотел бы превращать корабль в военную базу или тюрьму, что, по всей видимости, нам придётся на долго остаться в глубоком космосе, и в целях сохранения работоспособности экипажа и повышения его морального духа он объявляет о создании Правления корабля. Целью работы Правления должна стать разработка и внедрение программы эффективного существования и развития нашей удаленной колонии в сложившихся условиях. Правление должно быть выборным, состоять из четырнадцати членов. Капитан предложил в следующие две недели выдвинуть кандидатуры в правление, затем будут проведено голосование. Сформированный орган будет

работать первые три месяца на правах консультационного, будут разрабатываться предложения и нововведения в жизненный цикл корабля. После этого периода будут проведены повторные выборы о статусе Правления – оставить его консультационным, придать полномочия законодательной власти, или распустить вовсе и вернуться к военному положению.

Идея была принята всеми нами воодушевленно – хоть какое-то развлечение.

Началась предвыборная деятельность. Естественно, никто никого от своих обязанностей по кораблю не освобождал. Все продолжали нести свои вахты, а политика занимала все свободное время. Никаких партий, общественных движений или просто групп активистов в экипаже до этого момента не было. По каким принципам выбирать четырнадцать вождей космического пролетариата – никто не имел никакого понятия. За две недели должны были появиться полтора десятка лидеров, которые могли бы войти в Правление, но кем они должны быть – объяснить в первые дни никто не мог.

В воскресенье, под конец первой предвыборной недели, появился первый кандидат. Это был хирург-травматолог, по совместительству инженер-генетик – почти все на корабле владели несколькими профессиями – личность тридцати восьми лет, среднего роста и внушающей доверие внешности. Его кандидатура была предложена медицинским корпусом.

За вторую неделю нашлось ещё тринадцать кандидатур – еще один от врачей, трое учёных, два техника, трое военных и четыре кандидата от инженерного состава. Как я уже говорил, каждый из экипажа имел две и более специализации. Но у каждого было основное направление, на которое у него было отведено не менее семидесяти процентов времени. Остальными обязанностями приходилось заниматься либо на замене, либо в качестве помощника ведущего специалиста.

К выборам мы подошли с полным набором кандидатов. Мероприятие было назначено на воскресенье, в пятницу утром капитан попросил всех ещё раз подумать над кандидатурами и по возможности выдвинуть ещё несколько человек. Это позволило бы выборам быть полноценными.

Я, от нечего делать, заглянул на страницу выборов и открыл форму заявки в кандидаты. На первый взгляд, заполнение формы не потребовало бы и полу часа, и я стал ее заполнять. Через полчаса я закрыл заполненную форму и отправился спать уже представляя себя важной шишкой – политическим деятелем первого выборного органа власти за пределами Солнечной системы.

Через неделю, утром в воскресенье выборы состоялись, и к полудню Правление было сформировано. Я вошёл в его состав.

Тем временем ученые трудились в поте лица, практически не попадаясь на глаза остальным членам экипажа – их отсе-

ки с лабораториями и кабинетами располагались отдельно от остальных, жилыми каютами многие из них пользовались от случая к случаю, предпочитая ночевать рядом с объектом исследований. Одним словом, ученые.

Через пять месяцев после Скачка научная группа наконец сообщила, что значительно продвинулась в понимании произошедшего с нами и готова представить отчёт. Правление и командование собрались в зале брифингов в 10:00 в понедельник. Представители ученых уже заняли свои места в президиуме.

Руководитель научной группы подошел к кафедре. Все стихли.

– Мы провели несколько проверок эксперимента, который, по всей видимости, стал причиной нашего далекого путешествия. Цель эксперимента – поиск во вселенной областей с высокой плотностью темной материи. На момент Скачка ученые изучали как раз ту часть вселенной, в которой мы сейчас находимся. Каким-то образом совпадение обстоятельств и режимов работы различного оборудования на корабле привнесло к нашему перемещению в эти координаты. Не буду вдаваться в подробности, неспециалистам это будет не интересно. Главное – в нашем случае, скорее всего, ход эксперимента необратим, повторить его будет очень опасно для всех. Проще говоря, наш корабль никогда не сможет вернуться в солнечную систему. Но нам удалось воссоздать процесс, так сказать, в миниатюре. Это позволит про-

должить наши исследования и в перспективе даст возможность отправить обратно небольшой челнок. К счастью, эксперимент не был технически сложным, и мы имеем возможность построить достаточно много опытных образцов.

Докладчик взял паузу чтобы сделать пару глотков воды.

– В перспективе, если нам удастся перебросить один из челноков обратно к нашему солнцу, появится надежда на возвращение. Как уже было сказано, технология достаточно проста. Правда, мы не до конца понимаем с научной точки зрения как произошёл Скачок, но воссоздать процесс сможем. Наше предложение – построить несколько челноков, оборудованных всем необходимым для повтора эксперимента, в память бортового компьютера загрузить всю полученную нами информацию о Скачке, и отправить их в обратном направлении. Естественно, на каждый челнок необходимо установить маячок. Также, Капитан должен будет записать сигнал SOS с просьбой направить нам обратно, используя ту же технологию, ответный челнок. Таким образом мы сможем удостовериться, что эксперимент обратим и существует возможность наладить связь с нашим домом.

Зал по-прежнему хранил молчание. Казалось, что все сейчас сказанное было нереально – впрочем, как и наше нынешнее положение.

Первым прервал тишину Капитан.

– Почему Вы думаете, что нам смогут ответить и выслать ответные челноки? Сколько времени могло пройти на Земле

с нашего исчезновения?

– Возможно, столько же, сколько и у нас. Мы не перемещались со скоростями, близкими к световым. Да и с превышающими световые. Я бы сказал, для искажения времени у нас нет видимых причин. Я, конечно, не дам стопроцентной гарантии своей правоты, но мое мнение – временного разрыва с Солнечной системой у нас нет. В любом случае, других вариантов мы пока не видим. Если все сложится удачно – мы получим ответ из Солнечной системы в течении ближайших двух-трёх месяцев. Предполагается отправлять челноки каждые две-три недели, точка назначения – область между орбитой Марса и кольцом астероидов. Это самая обитаемая часть системы и вероятность их обнаружения там будет достаточно велика.

– Почему не отправить в окрестности Земли?

– Судя по нашему скачку, координаты пункта назначения соблюдаются достаточно точно. Но не хотелось бы рисковать и посылать челноки в слишком обитаемые области. А орбиты за Марсом подходят – столкнуться с кем-то вряд ли получится, но сигнал радиомаяка будет достаточно быстро запеленгован.

– Ну хорошо. Когда первый запуск?

– Первый челнок уже готов, Капитан. Остаётся записать Ваше обращение для сигнала бедствия и можно отправлять.

– Отлично. Тогда приступим. Совещание Правления может быть продолжено без меня.

И Капитан удалился. Некоторое время мы молча сидели, пытаясь осознать все сказанное учеными. Но в итоге решили продолжить нашу работу, оставив работу ученых на откуп Капитану.

На повестке оставалось ещё два вопроса – генеральный план строительства новых отсеков корабля на текущий год и проект семейного кодекса колонии. С первых дней работы Правления было решено принять за данность предположение что нам придется остаться в этой точке вселенной на неограниченное время, и все обсуждения нашего развития велись с учетом этого решения. Гендерный состав нашей колонии давал нам основания считать, что в скором времени наше население начнет расти. А оборудование, имеющееся на станции, позволяло нам строить новые территории, если можно так выразиться, расширяя обитаемые площади нашего корабля. На орбите ближайшей звезды из системы М33 Х7 было достаточно астероидов, которые не успели пока стать добычей ее соседки – черной дыры. Эти обломки могли послужить нам практически неограниченным источником ресурсов для 3D принтеров – напечатать новые блоки для нашего корабля не представляло труда. Также необходимо было увеличить количество ферм – выращивание продуктов питания генными инженерами растет вместе с увеличением населения, да и создать минимальный запас пищи также необходимо.

Вообще, с появлением Правления жизнь на корабле за-

метно поменялась. Она стала социальнее, больше внимания люди стали уделять бытовым вопросам. Стали появляться кружки по интересам – спортивные группы, любители литературы, профсоюз женщин колонии. Появился научный клуб – там участвовали не только ученые, но и инженеры, врачи, даже пара военных. Именно там обсуждали альтернативные теории нашего Скачка, а также изучали окружающее нас космическое пространство – область вблизи двойной звезды, попадающее под влияние чёрной дыры. Научная группа занималась основной версией и реализацией запусков челноков, поэтому там не были против если кто-то поможет им в побочных исследованиях, а взгляд со стороны им тоже был интересен.

Я уже говорил, что по результатам голосования, неожиданно для себя, попал в Правление. Я был пятнадцатым в списке. Видимо, никто больше не решился откликнуться на призыв капитана. В итоге я вытеснил одного из военных – наименее популярная среди экипажа социальная группа – и стал членом нового административного органа корабля.

Первый челнок запустили через два дня. Он просто исчез, как будто его выключили. И потянулись долгие дни ожидания. Следующий запуск должен был состояться через три недели.

Тем временем началось исследование нашего нового дома – системы двух звезд. Все оставшиеся беспилотные зонды были отправлены на разведку через два месяца после наше-

го появления. Как я уже говорил, нам удалось найти достаточно большое количество астероидов. Но ста сорока семи зондов было недостаточно для быстрого сканирования, весь процесс ожидалось закончить за четыре месяца – это только для того чтобы составить карту наиболее крупных объектов системы.

Особых сюрпризов – аномалий, не природных объектов – пока замечено не было. Все, как и должно быть в такой системе.

Через три недели отправили второй челнок к Солнцу.

Постройка новых отсеков корабля шла своим чередом. Первым делом было решено построить один блок ферм и один жилой блок. Каждый жилой блок состоял из шести кают и предназначался для двенадцати человек. Планировалось переселять туда семейные пары, которые могут появиться в ближайшее время и которым будет необходима новая жилая площадь.

Ферма состояла из производственного блока на шесть рабочих мест и склада. Выращивание различных мясных полуфабрикатов, рыбных продуктов и птицы в биореакторах вместе с аэропоникой позволяло обеспечивать колонию запасами питания на постоянной основе.

Каждые три недели мы запускали очередной челнок в надежде получить как можно быстрее хотя бы один из них обратно. Но время шло безрезультатно.

Через три дня после запуска шестого челнока наша систе-

ма наблюдения обнаружила появление нового объекта – это был наш же челнок, посланный в Солнечную систему третьим по счёту. Это могло означать только одно – мы были на верном пути, и дом нам ответил.

Челнок принёс с собой короткое сообщение. В нем говорилось что все отправленные нами аппараты обнаружены, первым нашли именно этот, третий, и начали его изучение. По координатам, указанным в нашем послании они нашли два предыдущих челнока и с легкостью стали ловить наши следующие посылки. Также нам сообщили что это вторая попытка отправить нам послание. Неделю назад они попытались отправить нам грузовой транспорт с оборудованием и биоматериалами, но эксперимент не пошёл – по неизвестным причинам прыжка не произошло. Также нас просили немедленно отправить этот челнок обратно с подтверждением получения и ждать дальнейших указаний.

Челнок был отправлен обратно через три часа с подтверждением получения и последними результатами работы научной группы. Их было не много, в основном записи телеметрии и параметры неудачных экспериментов. Никто не мог объяснить физики нашего скачка, почему нет временного разрыва между нами и Солнечной системой, почему не получилось отправить грузовой транспорт. Последнее было вообще не понятно – грузовик был куда меньше нашего корабля, и с точки зрения габаритов был ближе к челнокам, у которых перемещение получалось без видимых проблем.

Следовательно, размер объекта не влиял на его способность к перемещению, сложности были спрятаны где-то в другом месте. Это, к сожалению, откладывало наше возвращение домой на неопределенный срок – челноками всех не перевезешь. Было необходимо как можно быстрее проводить эксперименты по скачку с живыми организмами.

Но связь с Землёй мы наладили – челноки исправно курсировали между МЗЗ X7 и нашим Солнцем. Пока, правда, передавали только информацию. Второй челнок пришёл с небольшим отсеком, на котором значилось – "испытательный биомодуль". А внутри оказалось изуродованное тельце животного – путешествующий там хомячок не пережил путешествия. Это добавило нашим учёным больше вопросов чем ответов.

Кроме этого биоматериала нашим учёным также пришли инструкции – отправить наши зонды на максимальное удаление от корабля и провести замеры гравитационного поля. Далее наложить эти измерения на имеющиеся у нас модели распределения тёмных материи и энергии в нашем секторе.

Мы надеялись найти аномалии, которые могли бы закинуть нас сюда. Скорее всего, скачок произошёл в ходе эксперимента по поиску тёмной материи – настроившись на этот участок вселенной, мы каким-то образом переместились в него. Интересно ещё и то, что, зная координаты этой точки, в неё можно вернуться – как возвращаются к нам наши челноки. Попытки запустить их из Солнечной системы по дру-

гим координатам не принесли результатов – просто ничего не происходило. А вот у нас получалось закинуть челнок в любую точку. По крайней мере, два раза мы пробовали закинуть их по произвольным координатам, и в автоматическом режиме они возвращались обратно с телеметрией, подтверждающей что они были именно там, куда мы их отправляли.

Скорее всего мы обнаружили аномалию, позволяющую перемещаться в любую точку вселенной и обратно. Но как мы остались живы при этом, и как повторить наш эксперимент и не убить при этом экипаж – оставалось загадкой.

Анализ пространства вокруг нас продолжался чуть меньше двух месяцев, но результаты уже появлялись. Мы обнаружили зону с практически нулевой гравитацией, но с очень высоким уровнем скопления темной материи и, самое интересное, эта зона перемещалась. Она вращалась вокруг двойной M33 X7. Точнее, центр вращения трёх объектов был немного смещён относительно центра системы двух видимых звёзд.

Пока нам эти знания никак не помогли в понимании произошедшего, но значимость этой находки трудно было переоценить. Все указывало на то, что мы впервые обнаружили звезду из тёмной материи, а точнее систему трёх звезд, лишь одна из которых была обычной. Так сказать, полный комплект с чёрной дырой и призрачной темной соседкой.

Тем временем случился прорыв в исследованиях нашей научной группы. Для подробного изучения челнока с био-

модулем было принято решение отправить его целиком обратно к Солнцу. Для этого был построен довольно объемный контейнер, который должен был буксировать обычный челнок. Внутри контейнера поместили "посылку" и получившийся транспорт отправили домой – скачок совершил буксир, притянув за собой экспериментальный груз.

Через неделю пришёл запрос отправить такой же транспорт, но с новым биомодулем, в который необходимо было поместить живой организм. Нас проинформировали, что это требуется для проверки полученных во время предыдущего рейса данных. Возможно, данный способ перемещения безопасен для пассажира. По крайней мере, в предыдущем биомодуле не обнаружили никаких изменений в отправленном нами обратно биоматериале.

Сразу пошли шутки о том, кого стоит отправить домой, и будет ли это путешествие поощрением или наказанием.

На очередном заседании Правления было предложено отправить к Солнцу в качестве живого организма Эдди Тауна – местного баламута, смутьяна и самогонщика.

Но, во-первых, он бы не влез в модуль, а во-вторых нельзя было просто так безнаказанно рисковать одним из членов Правления. К тому же ему симпатизировали человек десять-пятнадцать экипажа, а это пять процентов электората.

Был отпечатан ещё один контейнер, в который мы поместили подопытную мышь в биомодуле. Подцепили тягач и отправили к Солнцу.

Давайте я немного расскажу про Эдди. Это один из инженеров, отвечающий за систему водоподготовки корабля. Он был уважаемым специалистом среди инженерного состава. Поэтому не удивительно, что он был избран в Правление. Он был изобретателем концепции "свободной станции" – хотел объявить свою независимость от Солнечной системы, построить станцию для складов и гостиничных номеров на будущее и в перспективе разрастись до искусственной планеты в данной системе. Параллельно он предлагал вести свои разработки по межзвездным скачкам, намеренно вводя в заблуждение исследователей с Земли и оставляя основные знания по таким путешествиям за нами. В итоге стать монополистом по межзвездным путешествиям и сделаться первым форпостом человечества за пределами Солнечной системы. И немедленно начать производство алкоголя, ибо Эдди уверял, что с ним веселее и продуктивнее совершать научные открытия. Надо заметить, на всех судах ВКФ того времени царил сухой закон, не говоря уже о наркотических веществах.

Вот этот Эдди и выносил мозг всему Правлению уже месяц. Он был против отправления челноков по любому требованию Земли, он хотел вносить изменения в планы строительства новых модулей, варил самогон, правда, пока только для личного пользования.

В общем, на заседаниях этот Эдди был настоящей занозой, но отправили к Земле мы мышку. И она долетела. Жи-

вой. Это был прорыв в нашем положении – наконец-то у экипажа появилась надежда на возвращение.

Все дело оказалось в размерах. При скачке вокруг корабля появлялось поле с толщиной около полуметра, которое было похоже на кокон. Внешней границей кокона была обшивка перемещаемого тела. В случае с челноками поле занимало практически весь внутренний объем, а в грузовом контейнере было достаточно места и биомодуль был практически в центре. Также и в нашем случае – внешняя обшивка корабля была около метра толщиной, при прыжке поле нигде не проникло внутрь и не смогло никому навредить.

Два следующих челнока прибуксировали к нам еще пару контейнеров, напичканных датчиками и мышами. И, наконец, после всех проверок было решено отправить к нам добровольца. Один из исследователей с Земли должен был присоединиться к нашему экипажу и впервые совершить Скачок по своему желанию, если ему повезёт.

Создавать монополию на скачок не было смысла – его принцип уже был раскрыт, осталось доработать технологию. Конечно, это может стоить не малого времени и больших вложений, но в этом мы все равно проигрывали Солнцу. Эдди это понимал, но все равно хотел найти какую-то выгоду от нашей ситуации и сделать нас первым независимым поселением в далеком космосе.

Такие возвышенные и самонадеянные мысли возникали в головах, наверное, каждого члена Правления. Но все мы

быстро прятали их глубоко в подсознание. Мы были в такой дали от всего человечества, что представлять себя в роли зазнавшихся подростков, стремящихся побыстрее отселиться от родителей, совсем не хотелось.

Итак, как только стало известно о скором прибытии первого гостя добровольца в наши края, Эдди возбудился пуще прежнего и сообщил на заседании Правления что нам пора уже "принять категорическое решение и самоидентифицироваться как независимая ультра-космическая группа человечества, желающая быть свободной в своём удалении и действовать по своему усмотрению". Он, конечно же, был слегка пьян.

Но капитану мысль показалась слегка разумной, и он предложил ввести для всех членов экипажа паспорт гражданина УКГЧ – Ультра-Космической Группы Человечества. Идею Эдди подхватили и остальные члены правления. Мы быстро разработали правила предоставления права называться гражданином УльтраКосма, первичную миграционную политику и правила межзвездного туризма. Новорожденным паспорт должен выдаваться при рождении, посетителям выдаётся временное разрешение на пребывание, желающим поработать на станции – рабочая виза.

На всем этом ажиотаже эго Эдди раздуло от своей значимости как автора идеи, он даже стал называть себя отцом-основателем. Но уже на следующее утро сложил с себя этот титул – Эдди был хорошим парнем.

Так мы решили стать кораблем-государством.

Глава 2

В годовщину нашего приключения мы были в два раза крупнее – корабль оброс новыми отсеками, состав экипажа на треть сменился, появилось около ста временных граждан нашего УльтраКосма. Плюс к этому, у нас появился сосед – Охранный гарнизон. Его основу составляли те двадцать два офицера из оригинального военного контингента, прибывшего вместе с нами при первом скачке.

Два заместителя капитана, восемь командиров отсеков со своими младшими офицерами, по одному на каждого, и четыре спецофицера. Полгода назад они решили перейти на собственную цитадель, оставив после себя из военных на корабле лишь Капитана и четырёх его помощников.

Связь с Солнечной системой была налажена, риск для жизни при переброске отсутствовал, но мы стали опасаться другой ситуации. Все шло к тому что мы получили возможность путешествовать в любую точку вселенной без потери времени, по крайней мере из нашей сегодняшней локации. Мы назвали ее Узлом аномалии. Скорее всего, таких Узлов во всем космосе достаточно много, но это пока не важно – чтобы совершить скачок, достаточно найти один. До сегодняшнего дня мы еще ни разу не столкнулись с внеземной цивилизацией, ни в Солнечной системе, ни за ее пределами. Но если мы станем бесконтрольно прыгать по всей вселен-

ной – наши шансы наткнуться на кого-либо достаточно высоки. Также, если один из наших разведывательных челноков обнаружит кто-то посторонний – понять, как он к ним попал не составит труда. И тогда к нам в гости может пожаловать неизвестно пока что. А мы тут не готовы.

В связи с этим офицеры приняли решение о создании Цитадели – оборонительного комплекса, задачей которого была, как минимум, защита УльтраКосма. Начальником Цитадели был назначен один из помощников Капитана. Также в помощь им были назначены трое ученых и семь инженеров, преимущественно с опытом работы по системам вооружения.

Охранному гарнизону было всего два месяца, но он уже кое-что умел. Во-первых, для целей дальнего оповещения о нападении были выделены двести исследовательских зондов, перенастроенных на обнаружение посторонних объектов. Было решено распределить их равномерно по сфере радиусом в четверть светового года от нашей позиции. И первые зонды уже преодолели треть пути. После формирования этой первой линии оповещения будет создана и вторая на расстоянии в полтора световых месяца, уже поплотнее – выделят также двести зондов.

Во-вторых, началось создание эскадрильи беспилотных истребителей – планировалось укомплектовать сто бортов, для этого среди гражданских уже началось обучение по управлению ими. Идея была в том, чтобы в случае нападе-

ния на нас по меньшей мере половина, а в целях резерва и все две трети состава экипажа были способны управлять нашими беспилотниками.

Также мы существенно продвинулись в наблюдении за нашей странной звездной системой. Черная дыра и "темная" звезда соседствовали с обычной звездой и вели себя вполне предсказуемо – как и было предусмотрено известными нам законами физики. Но было абсолютно понятно, что в этом соседстве и скрыта возможность скачков.

В отличие от видимых звезд, наша тайная соседка, скорее всего, имела планетарную систему. Об этом говорили колебания звезды в пространстве и возмущения гравитационного поля. В местах плотных скоплений темной материи, таких как звезда или планеты, гравитационное поле падало практически до нуля. наших ученых это очень возбуждало – получить такой объект для изучения прямо у себя под боком было гораздо интереснее обычного облака Оорта. И они использовали любой повод чтобы выпросить для исследовательских целей что-нибудь новенькое – то передать им ещё десяток зондов, то разрешить использовать инженеров для разработки новых устройств, то приобрести что-нибудь необходимое в Солнечной системе.

Забыл сказать – с Солнечной системой отношения у нас выстроились к тому времени довольно конструктивные. Мы вели торговлю и обмен, ученые и инженеры свободно могли прибывать и убывать со станции, делая необходимые помет-

ки в паспортах либо во временных удостоверениях. К слову сказать, количество граждан УКГЧ увеличилось к концу первого года нашего пребывания в Треугольнике на десять процентов. Конечно, когда стали возможны перемещения живых организмов с помощью технологии Скачка, часть экипажа пожелала вернуться домой. Но было также и много желающих прибыть к нам от Солнца и стать полноправными членами новой колонии, пионерами дальних рубежей. Естественно, Правление приняло решение ввести жесткий отбор и создало комиссию по делам мигрантов, ограничив выдачу паспортов новым гражданам до десяти в квартал, если не будет других особых распоряжений.

Мы обнаружили, что успешный скачок можно сделать, имея на борту энергетическую установку последнего образца. Это был мини-реактор, разработанный специально для нашей миссии в облаке Оорта – его можно было устанавливать в относительно небольшие космические аппараты, при этом его мощности и срока службы хватало на энергообеспечение среднего крейсера. В качестве источника энергии для маршевого двигателя он был слабоват, но инфраструктуру мог поддерживать спокойно. В малых же судах его можно было применять как основную энергоустановку. Разработкой этого типа реакторов занималась одна из компаний, входившая в производственную структуру Сил обороны Солнечной системы. Это была монополия, что накладывало определенные ограничения на существование Ультра-

Косма, а также на возможное появление новых дальних колоний. Тем не менее пока мы этот вопрос не обсуждали подробно, и так хватало занятий.

Мы построили достаточно новых жилых модулей, и было решено начать выдавать разрешения на рождение детей. Все условия для этого у нас были, даже потенциальные воспитатели и преподаватели. Вопрос в том, кто первым решится. У нас уже было девятнадцать официальных пар, всем Правление выслало уведомления о готовности выдать сертификат на расширение семьи. В отличие от новых паспортов, сертификаты решено было выдавать по одному каждые два месяца. Но это если будут желающие. Первая пара кандидатов на родителей появилась на втором месяце второго года существования УльтраКосма. За ними сразу же закрепили медика для консультаций и последующего ведения беременности. И все граждане нашего молодого государства стали с нетерпением ждать появления первого коренного гражданина.

Тем временем исследователи обнаружили, что на дальность скачка все же есть ограничения. Я так и не понял, в чем причина, но опытные пуски челноков показали, что самое близкое расстояние для скачка было ограничено сферой радиусом около двенадцати световых лет и центром в нашем Узле Аномалии. Таких пусков было сделано пять с шагом в пять световых лет. Первые два пуска не состоялись – челнок просто остался на своём месте. Следующие три пуска были успешными. Запускали один и тот же челнок с функцией об-

ратного возвращения в автоматическом режиме. Запускать челноки массово не хотели – как я уже говорил ранее, боялись случайно попасть на какую-нибудь враждебную цивилизацию.

По самой дальней точке пока даже расчетных предположений не было, а проверять экспериментально пока не решались. В любом случае, для обследования внутренней сферы радиусом в двенадцать световых лет нам будут нужны корабли класса нашего родного межзвездника. Хотя межзвездником его назовёшь с натяжкой – максимальная скорость в шестьдесят процентов от световой – это был на тот момент самый быстроходный космический транспорт. И если бы мы вдруг захотели, или если бы нам пришлось добираться до окраин этой сферы – нам потребовалось бы двадцать лет жизни провести просто в полете в одну сторону. Но только если мы не найдем где-либо во вселенной другую аномалию – новый Узел Аномалии – и не попробуем из нее переместиться внутрь нашей сферы – тогда проблема с перемещением внутри такой сферы-пузыря будет решена. Но дело в том, что пока наши ученые не смогли найти особые признаки, по которым можно определить на большом расстоянии участок вселенной, похожий на нашу аномалию. Даже тот факт, что у нашей звездной парочки есть третий темный приятель, мы смогли выявить только в непосредственной близости к системе – наблюдения с земли ничего подобного не обнаружили, не смотря на самые передовые приборы

и методики. Возможно, это было связано с тем, что они все еще наблюдали систему какой она, была три миллиона лет назад. Хотя вряд ли за такой короткий по космическим меркам срок в системе МЗЗ Х7 успела бы образоваться звезда из темной материи, да еще и с потенциальной планетарной группой.

Кроме того, встал вопрос что нам делать со свалившейся на нас возможностью столь дальних путешествий? Запасов сырья нам хватало на тот момент и в Солнечной системе. Понятное дело, что лучше больше чем меньше. Но кроме чисто научного интереса к технологии скачка и ее развитию для будущего применения, ничего серьезно полезного в нашем положении не было. Но именно этот научный интерес и послужил толчком к следующим изменениям в нашей жизни. Для изучения нашей системы на предмет аномалий, делающих возможными межзвездные скачки, Силы Оборона решили построить научно-исследовательскую станцию, назвав это проектом ИГЛА – Исследование Глубокой Линейной Аномалии.

Нашему же Ультракосму было предложено заняться освоением и изучением внутренней сферы. Для этих целей Силы предложили организовать у нас разработку и производство новых реакторов и двигателей для межзвёздного флота, а также готовы были помочь со строительством кораблей новых типов. Взамен мы укомплектовывали корабли экипажами, служили перевалочным и учебным центром для пер-

сонала и обеспечивали сырьем и провизией новую научную станцию. По сути, у нас не было выбора – это был единственный на тот момент путь развития УльтраКосма. Откажись мы тогда сотрудничать с Силами Обороны – они бы и без нас справились. А мы бы остались никому не нужной миссией, решившей стать самостоятельным куском космического мусора.

Но кое-что мы смогли себе выторговать в дополнение к предложенному. Во-первых, в случае успешных разработок технологии скачка УльтраКосм будет иметь право применять данную технологию для своих нужд, и Силы Обороны должны будут оказать помощь в организации необходимых производственных мощностей. Во-вторых, УльтраКосм будет получать пять процентов с прибыли от продаж устройств, использующих технологию скачка в следующие сто пятьдесят лет после даты принятия решения о промышленном применении данной технологии.

И мы построили верфь. Можно было вести одновременное строительство двух межзвездников. Чем мы и занялись. В качестве основных реакторов было решено применить новый тип – усовершенствованный и более мощный вариант тех, которые сделали возможным наш скачок. Это немного прибавило им скорости – до шестидесяти пяти процентов от световой, но и позволило отказаться от дополнительных реакторов для бортового питания – его энергии с лихвой хватало на все нужды корабля.

Мы отменили сухой закон и открыли три бара – Тундра, Выхухоль и Отшельник. И два ресторана – Океан и Сон. Один детский сад – пока там была только ясельная группа для трёх детей. Учебный кампус – для вновь прибывших в ИГЛУ учёных. Там им рассказывали с изучением каких проблем работают на самой научно-исследовательской станции и какие исследования ведутся в других лабораториях. Все это уже было известно вновь прибывающим еще до отлёта из Солнечной системы, но формальности прежде всего.

Однажды от Солнца нам пришла посылка с тремя криокамерами – технология известная, но в медицине. В этот раз в сопроводительной документации указывалось, что это новые модели, предназначенные для длительной крионизации членов экипажа межзвездного корабля в условиях невесомости с функцией быстрого выхода из криосна. Камеры были экспериментальными, сопровождалась описанием технологии производства и передавались УльтраКосму безвозмездно для применения на межзвездниках. Технологию уже испытали, камеры можно было применять на первом же корабле. Но, сами понимаете, на межзвездниках минимум пять членов экипажа, а мы строили сразу два корабля. Поэтому сами изготовили еще семь камер по присланным нам чертежам и мануалам.

Тем временем первые десять добровольцев готовились отправиться в исследовательские миссии по нашему пузырю – внутренней сфере. Задача – поиск полезных ископаемых,

сбор данных по плотности темной материи, разведка угрозы инопланетных форм жизни. Ну и прочие научные и технические задачи помельче. Каждый экипаж состоял из капитана – для первых миссий решено было назначать на эту должность офицеров ВКФ, штурмана – в его задачи входил контроль маршрута и работоспособности корабля, и трех исследователей. Кроме того, в помощь экипажу на каждом корабле был установлен бортовой компьютер с искусственным интеллектом – новая разработка Сил Обороны. Можно было говорить о шестом члене экипажа – на столько он был хорош. В его функции входило псевдо-человеческое поведение. Это не только подражание человеческой манере общения, что помогала экипажу работать с бортовым компьютером наиболее эффективно. Компьютер также изучал поведение экипажа, на основе наблюдений моделировал различные ситуации и проверял свои модели в случае, если эти ситуации случались в реальности. Это помогало компьютеру быстрее реагировать на возможные проблемы в полете.

На два новых межзвездника было установлено самое современное исследовательское оборудование, в том числе усовершенствованные детекторы темной материи. Это была первая разработка ИГЛЫ – увеличенная мощность позволяла проводить сканирование пространства в радиусе четверти светового года с очень высоким разрешением. Кроме этого, корабли были укомплектованы самым передовым оружием – от торпед дальнего действия до рельсовых пушек с ядерны-

ми снарядами ближнего боя.

Ко второй годовщине УльтраКосма два межзвездника были готовы отправиться в путь. План полета был прост – в течении восемнадцати лет, плюс-минус два года, оба корабля будут двигаться в противоположные стороны к границе внутренней сферы. По мере прохождения маршрута команда будет пробуждаться каждые полгода на десять суток для проведения плановых работ. В итоге, для каждого из экипажей пройдет минимум год жизни в экспедиции. В случае экстренных ситуаций бортовой компьютер должен будет вывести из сна капитана для принятия решения о дальнейших действиях. После прохождения границы сферы каждый из кораблей совершит скачок обратно к УльтраКосму и миссия будет окончена.

На корабли погрузили провизию для экипажа на два года пути, с запасом, как говорится. Экспедиции решили не комплектовать фермами – на такой небольшой экипаж и не очень длинный срок его активности проще было загрузить трюмы сухим пайком. Ещё раз проверили программу исследований, работу реакторов и оружейные расчеты. Попрощались с экипажами, и корабли отчалили из доков и двинулись в разные стороны от нас.

Тем временем полным ходом шла подготовка персонала для ИГЛЫ. Штат ее был укомплектован, и мы занимались повышением квалификации сотрудников, а также обучением работе с беспилотными истребителями и тренировками

персонала по поддержанию живучести базы в случае внезапного нападения. Мы по-прежнему опасались инопланетного вторжения. Хотя, по сути, и сами являлись пришельцами. Но объективно никаких намеков на наличие высокоразвитой цивилизации где-то в космосе человечество ещё не обнаружило, и наша экспедиция эту ситуацию пока не изменила. И учёные конечно вели наблюдение за окружающим нас пространством.

Большое количество вопросов возникало по поводу нашего темного светила со своей вероятной планетарной системой. Сканеры темной материи ИГЛА постоянно усовершенствовались, благо под рукой был такой объект для экспериментов. Мы теперь знали, что третий невидимый нам объект ведёт себя также, как вела бы себя обычная звезда по соседству с двумя нашими соседками. Также приборы показывали наличие у нее трёх крупных планет-гигантов и четырех планет земного класса. Более мелкие объекты, видимо, тоже были, но пока их сложно было выделить среди "темного шума" – учёные так описывали то что они видят на своих сканерах, как сгустки тумана, которые возникают на фоне пред-рассветного пасмурного неба.

Это, несомненно, был большой прорыв в изучении космоса. Ведь это не просто умозрительные теории о параллельных вселенных, других измерениях. Мы обнаружили реальный новый мир, который до этого не могли видеть. Он существует вместе с нами, совсем рядом, и, скорее всего, именно

он помог нам путешествовать по вселенной практически без границ. И никто не мог даже представить, что это открытие может принести нам в будущем.

Так много всего, а мы одни на все это! Уверенно можно сказать, что в первые пару лет минимум у половины экипажа именно то, как что-нибудь себе присвоить – астероид, планету, открытие, да что угодно – было основополагающей идеей-фикс. Половина из нас были авантюристами... Хотя бы в душе. Поэтому Капитан предложил всем желающим строить свои корабли и отправляться в разведку по нашей звездной системе – что-то вроде золотой лихорадки.

А искать было что. Астероиды могли содержать огромное количество полезных ископаемых. ИГЛА готова была платить гонорары за помощь в построении карты темных объектов. Да и туризм по окрестностям тоже имел право на существование. В итоге, Правление предложило всем желающим построить себе персональный челнок льготные цены на малые реакторы. Точнее, не всем, а только гражданам УльтраКосма.

Так появилась малая верфь. Принадлежала она колонии, но выполняла только частные заказы. Как и на основной верфи, при строительстве челноков с самого начала стали применяться самые передовые разработки ИГЛЫ. Одновременно мы могли собирать пять малых судов, и до конца третьего года нашего поселения было заказано и поставлено заказчикам восемь челноков. На следующие два года заказы уже

были размещены – свой персональный челнок ожидали еще двадцать клиентов.

Тем временем наш старый друг Эдди, занимавшийся после отмены сухого закона производством спиртного официально, стал поставщиком алкоголя для всех наших баров и ресторанов. Для этого он соорудил себе небольшой ликероводочный заводик. Сырье для водки и пива – самых ходовых продуктов первого времени – он производил сам. Также на фермах для него выращивали фрукты, из которых он начал делать вино. И дошло даже до того, что он стал экспортировать небольшие партии в Солнечную систему. К концу второго года Правление предложило ему стать управляющим всего ресторанного комплекса УльтраКосма, на что он естественно согласился. И когда военные сообщили что готовы обеспечивать безопасность нашей колонии в случае нападения в течении минимум сорока восьми часов, чего было вполне достаточно для нашей полной эвакуации, Эдди предложил открыть первый в нашей системе отель. Идея понравилась и была одобрена.

За пару месяцев отель был готов. На расстоянии пятьсот километров от базы разместился комплекс в виде купола с вытянутым вниз основанием. Оно заканчивалось малой сферой – развлекательным комплексом с ресторанами, бассейнами, спортзалами и спа-салонами. Номерной фонд состоял из ста семидесяти стандартов, восьмидесяти люксов, сорока супер-сютов и десяти вилл. Виллы находились на са-

мом верху купола и представляли собой отдельные биосферы с живой растительностью на газонах вокруг домика в стиле шале, бассейном и отдельным стыковочным шлюзом для личного шаттла. Также были концертный зал, опера, кинотеатр с пятью отдельными экранами, галерея. И, естественно, торговый центр.

Еще два месяца ушло на подготовку персонала – в основном отрабатывали эвакуацию, всему остальному обучили во время строительства. Эвакуация отеля входила в комплекс мер по эвакуации всего нашего сектора. А это от семисот до тысячи человек. Когда все идет по плану в теории – полная эвакуация УльтраКосма занимает восемь часов. Это включая мероприятия по маскировке конечного пункта назначения. Сами понимаете, сорока восьми часов, которые военные отводили на сдерживание неожиданной атаки, было более чем достаточно.

Кроме оборонительных операций наш Охранный гарнизон совместно с ИГЛОЙ разработал процедуру развертывания базы в новом месте прыжка. Как вы помните, поиск новых мест во вселенной, способных предоставить нам, так сказать, услугу прыжка, считался не безопасным. И Силы Обороны приняли решение не проводить прыжков в предполагаемые места аномалий. Составлялась только их карта. Но теперь разведывательные миссии могли с минимумом риска для Земли отправляться к новым звездам. Тренировку первых миссий планировалось проводить у нас. Так как эти

операции были полностью переданы военным, гарнизон начал строить учебную базу как часть цитадели. Тренировочный полигон по развертыванию передового разведотряда решено было организовать на расстоянии в половину светового года от УльтраКосма. Место было засекречено, чтобы никто не мешал военным. Для полномасштабных учений пространства диаметром в четверть светового года им вполне хватало, один курс обучения длился полгода, курсантов туда отправляли вахтами группа за группой. Затем курсанты отправлялись в Солнечную систему для формирования новых экспедиций.

Полгода в учебке казалось нам странным, за это время можно было из новобранца сделать опытного бойца. Но в нашу учебку посылали офицеров. А чему их там учили – мы не имели никакого понятия. Впрочем, первая операция по освоению новой аномалии началась лишь в конце пятого года существования нашей колонии.

К тому времени у нас уже был полноценный детский сад из тридцати четырех коренных жителей, успешный отельный бизнес, восемь межзвездных кораблей исследовали внутреннюю сферу, и целый флот частных челноков занимался кто чем хотел. Население нашей колонии состояло уже из пятиста шестидесяти с лишним граждан и свыше шестиста временных – туристов, военных, учёных, простых кандидатов в граждане.

У нас появилась собственная служба безопасности. И дел

у нее было достаточно. Кроме обеспечения общественного покоя и борьбы с мелкими нарушителями у нас были промышленный и военный шпионаж, сбежавшие из Солнечной системы преступники, распространение наркотиков. Тюрмы правда у нас не было, только камеры предварительного заключения. Суд был, но только для мелких дел – административных правонарушений. Всех уголовников отправляли к Солнцу, где их судили и сажали. Арестованный нами и отправленный на суд преступник автоматически пожизненно лишался права повторно посетить УльтраКосм, даже если его в итоге оправдали.

Правление, как и в начале, состояло из тех же четырнадцати участников. После трех месяцев его существования было принято решение о продлении его полномочий в качестве консультационного органа да конца года, потом приняли решение придать ему законодательный статус и через три года существования УльтраКосма провели перевыборы. Все остались на своих местах еще на три года. Трехлетний цикл уставив всех – вполне достаточно чтобы провести свои идеи в жизнь и не сильно задерживаться, если вдруг надоело быть «космополитиком». Именно так нас называли в народе.

Второй, трехлетний срок перевалил за середину, и некоторые из нас уже решили, что не будут выдвигаться на третий. Эдди, к примеру, полностью решил посвятить себя бизнесу – отели, казино, выпивка и межзвёздный туризм доставляли ему немалое удовольствие. Конечно, в Правлении

у него останутся пара хороших друзей – иначе было бы глупо отказываться от столь влиятельной позиции будучи бизнесменом, зарабатывающим на постоянном развитии нашей колонии.

Руководство ИГЛЫ также мечтало иметь своего человека в Правлении, но у них были достаточно напряжённые времена – либо наметился прорыв с темной материей, либо возникли проблемы в одном из экспериментов, либо и то, и другое – точно не было известно никому. Все происходящее там было тщательным образом засекречено.

В пятый год УльтраКосм построил три межзвездника с модернизированными силовыми установками и бортовыми компьютерами второго поколения. Реакторы ждали своего скорого усовершенствования – по слухам, ИГЛА собиралась частично использовать темную энергию. Якобы, именно она участвовала в процессах мгновенного перемещения и именно на ее всплески случайно были настроены вторичные реакторы, установленные на нашем корабле. И именно эти реакторы ИГЛА сейчас усовершенствует, применяя новые знания о темных материи и энергии. Никаких комментариев от учёных не было.

Пока не наступила наша шестая годовщина. Во время торжественных мероприятий ИГЛА объявила, что закончила изучение процесса скачков и выявила весь механизм перемещений данного типа. Он действительно связан с темной энергией, и реакторы нового поколения будут способ-

ны обеспечить высокую точность и стабильность скачков. Также, исследования позволили разработать новую технологию поиска аномальных зон во вселенной, и в ближайшие несколько лет человечеству будут известны уже свыше сотни таких участков во вселенной. Кроме того, ИГЛА заявила о разработке нового тягового устройства для межзвездника, которое позволит им разогнаться до восьмидесяти пяти процентов от скорости света, что сократит время полета исследовательских миссий к границам нашего пузыря до четырнадцати лет. Новое, третье по счету, поколение искусственного интеллекта, применяемого в бортовых компьютерах, позволит экипажу выходить из сна лишь раз в год на десять дней, что снизит активное время до пяти месяцев. Новое поколение межзвездников со всеми этими технологиями будет запущено в производство уже в седьмом году эры УльтраКосма.

Пожалуй, именно этот день, день объявления о строительстве нового поколения межзвездников, можно назвать днём начала новых потрясений и изменений в судьбе человечества.

Глава 3

Это случилось через полтора месяца после старта первого межзвездника нового поколения. С каждым кораблем этого класса, начиная с первого поколения, запускался его спутник – челнок слежения. Он выполнял роль черного ящика, получая с корабля всю телеметрию и в случае его гибели должен был вернуться к нам двумя способами – либо развернуться и пойти обратным курсом, либо продолжить путь к границе сферы и совершить скачок к УльтраКосму. Выбор зависел от времени возвращения, выбирался более быстрый путь. В челноке не было ничего кроме силовой установки с реактором, системы навигации и собственно самого "черного ящика". Также на внешней обшивке челнока были установлены различные камеры – велась видеофиксация всего полёта с панорамными ракурсами как самого корабля, так и окружающего пространства.

Первый челнок телеметрии вернулся к нам на сорок пятый день полета первого межзвездника нового поколения, отправленного в путешествие на шестом году существования УльтраКосма. При расшифровке информации с челнока у учёных ИГЛЫ волосы встали дыбом. Они через три дня пригласили всех нас к себе и, подписав со всеми членами Правления соглашение о неразглашении, начали брифинг. Из их вступительной речи следовало, что по непонятным

причинам первого межзвездника нового поколения скорее всего больше нет. Только гибелью корабля можно объяснить столь быстрое возвращение "черного ящика". По протоколу, челноки следуют за своими наблюдаемыми до того времени пока физически есть за чем наблюдать. В том числе и визуально. Исключением может стать только угроза уничтожения самому челноку, да и то если связь с межзвездником потеряна, и он не подаёт признаков жизни. В нашем случае челнок вернулся после полного исчезновения наблюдаемого объекта.

Затем ИГЛА сообщила, что причина гибели корабля им не известна. Судя по записям видеокамер корабль просто за считанные часы уничтожил все свои отсеки, отстыковывая их один за другим и расстреливая главными орудиями, расположенными в реакторном отсеке. Сам этот отсек погиб от саморазрушения в следствии ядерного взрыва – произошёл перегрев ядра реактора.

Для того чтобы мы поняли весь ужас произошедшего, ИГЛА предоставила нам запись последних часов работы бортового компьютера, искусственный интеллект которого управлял кораблем на тот момент. Вот что мы получили в виде текстовой распечатки:

"Межзвездный борт 0601g3, позывной Стрела. Стенограмма работы ИИ в интерпретации Моделирование поведения человека. Последние 48 часов полета.

Покинув мостик, вы попадаете в шахту транзита. Она

проходит через все отсеки материнского корабля и стыковочные шлюзы. Можно заметить, что многие шлюзы неисправны – проводка с внешней стороны торчит обугленными макаронинами, горят красным сигнальные лампы. Но пара шлюзов ещё пригодна к использованию. За шлюзами идут нежилые отсеки и модули. Проходы в них задраены. Иллюминаторов нет. Это склады с припасами, хозяйственным инвентарем и прочим хламом. Далее кубрик и камбуз – по разные стороны шахты. Открыты.

К концу шахты расположился жилой блок. Пять кают – лучами отходят во все стороны от шахты на одном уровне. За ними – длинный узкий колодец, ведущий к двигательному отсеку. Посередине колодца – по периметру в углублениях пять криокамер. Все кроме одной пусты. Капитан спит.

Я – бортовой компьютер материнского корабля «—», а перед криокапсулой сейчас голограмма капитана, с помощью которой я пытаюсь найти свой порт приписки, цель экспедиции или хоть какую точку во вселенной куда следует держать путь.

Я смотрю сквозь стекло камеры на свое лицо своими глазами и жду. Хоть один намек. Тень воспоминания, фрагмент сна, обрывок фразы – что поможет мне узнать цель моего полёта. Даже кораблям важно иметь цель, точку прибытия. У меня же сейчас в этом месте пустые байты данных.

Он – мой последний шанс.

По неизвестным мне причинам бортовой журнал кораб-

ля заполнен только за последние три дня. Более ранние записи стерты, не известно ничего кроме текущего состояния корабля, его названия и наличия экипажа из одного члена – капитана корабля.

Три дня я брожу в поисках ответа. Брожу по кораблю, по бортовым записям, по снам капитана. Ни зацепки, ни намёка на пункт прибытия или точку отправления. Везде нули.

Использование голограммы – полезный инструмент. Работая с ней, я думаю и действую как капитан, в соответствии с его физиологией. Понимаю почему он думает так, чувствует это, чего боится и чему радуется.

У любого бортового компьютера есть целый набор инструментов для работы с экипажем. Обычный визуальный обмен с помощью экранов и камер по всему кораблю, терминалы ввода данных, медицинский терминал наконец с его шприцами и клизмами, ещё пара приемов...

Но голограмма – особый случай. Применяется только при отсутствии экипажа – когда они спят в криокапсулах или погибли.

У меня один спит, других нет – значит погибли. На материнском корабле всегда число капсул равно числу членов экипажа. Как и на всех других типах, кроме лазарета. Но там уж, сами понимаете...

Впрочем, от лирики к делу.

Вот капитан, за стеклом. Вот я – его голограмма. Очень часто во сне человек наблюдает за собой со стороны, видит

сон не от первого, а от третьего лица. Так вот я – третье лицо. Я смотрю его сон и изучаю.

И могу направлять сон куда нужно мне. Считается, что людям снятся сны о том, что их волнует в настоящее время. Но криосон – длительный процесс, и сны о том, что волновало капитана несколько месяцев, а то и лет тому назад он уже давно пересмотрел. Поэтому я стараюсь заставить его волноваться на нужные мне темы – куда мне следует двигаться или хотя бы откуда я прибыл в эту точку вселенной. Но здесь недостаточно показать его подсознанию карту галактики или позволить во сне ввести курс на терминале мостика – такие прямые подсказки не воспринимаются и не становятся объектами сновидений.

Но кажется, я нашёл подход к капитану. Есть на корабле одно место которое не даёт ему покоя.

На второй день, блуждая вместе с капитаном по кораблю в его виртуальном пространстве сна, мы неожиданно остановились у одного из шлюзов и простояли неподвижно чуть меньше пяти минут. Потом также неожиданно сон оборвался, и капитан ушел в бессознательное – полчаса проспал без каких-либо позывов к сновидениям.

Я проверил криокамеру – интерфейс без нарушений. Показатели жизнедеятельности в норме. На момент сна учащен пульс и повышена активность желудка. Он захотел есть! Но это крайне редко происходит в криосне и моментально компенсируется питательным раствором.

Постоял пять минут и проголодался. Нет, это не голод, это другое. Учащенный пульс и желание организма получить питание – сигнал тревоги. Он испугался чего-то у этого шлюза. Но почему не убежал, почему стоял и боялся? И где трупы? Из пяти криокамер обитаема лишь капитанская. Четверых нет. Я исследовал весь корабль – их нет нигде. Нет и следов любой жизнедеятельности, доступ ко всем отсекам открыт – прятаться им негде, значит их нет. Один капитан из экипажа. И его сны молчат третий день. Никаких намеков... Пора присниться ему еще раз.

Вот мы снова приближаемся к этому шлюзу. Капитан замедляет шаг и останавливается напротив иллюминатора. С минуту мы стоим. Вдруг он поворачивается к своей голограмме и смотрит мне прямо в глаза. Это невозможно – в его сне он должен видеть себя моими глазами, от третьего лица! Что происходит?!

Он стоит неподвижно, не моргая смотрит на меня, я на него. Пытаюсь сканировать криокамеру – показатели жизнедеятельности капитана стабильны, он спокоен. Нет и намека на произошедшее в прошлый раз.

– Не ищи! – слова капитана возникают в моих микросхемах, он не говорит, он думает в мою сторону. И снова его выбивает в небытие.

Я отключаю голограмму. Что это было? Весь сон капитан видит моими глазами, он смотрит на себя со стороны. Ему и в голову не придёт перемещаться в себя во время сна, и уж

тем более во сне он не знает о голограмме. И – не ищи что?

Что не искать? Цель? Координаты старта? Команду...? Да от них и следа нет, ищи – не ищи. Судя по тому, что они исчезли и моя память возрастом лишь в три дня – что-то случилось минимум трое суток тому назад.

...Трое суток... Протокол обнуления! Этих четверых убил я. Последнего – три дня назад.

Так устроен алгоритм поиска – в случае неудачи и смерти объекта дознания по причине самого процесса моя программа полностью обнуляется до исходных параметров. Связано это с тем что хоть бортовые компьютеры и не признаны разумными, высокоинтенсивные стрессовые нагрузки на их алгоритмы приводят к сбоям, аналогичным тяжелым депрессивным состояниям у людей и, как результат, повышению вероятности саморазрушения системы.

Получается, я уже четыре раза себя обнулil. Пора капитану снова видеть сны про кого или что "не искать".

Опять шлюз, мы с капитаном стоим и молчим. За иллюминатором – миллионы звезд в черном бульоне космоса. Он начал говорить не поворачиваясь.

– Не ищи, ничего нет. Ни курса, ни пункта назначения, ни порта приписки, ни экипажа. Ты один. И меня нет. Я твой сон. Подумай об этом.

Опять отвалился в несознанку...

Что за чушь?! Он есть! Вот он, в криокамере, спит. И я к нему подключаюсь, по интерфейсу, согласно процедуре, вво-

жу его в сознательный сон и работаю. Что значит он мой сон? Он что, во сне двинулся? Такого не может быть – сон он и есть сон, в нем нельзя рехнуться.

Нет криокамеры. Нет вообще криокамер. Отсек криосна отсутствует. Переборки перед отсеком задраены, что за ними – неизвестно. Если ничего – то меня оставили без двигателя. Ведь силовой модуль был именно там.

Диагностика систем подтвердила мои опасения – корабль остался без тяговых двигателей, за задраенными переборками открытый космос. Я застрял здесь навсегда...

Длинный узкий колодец, ведущий к двигательному отсеку. Посередине колодца – пять кают лучами отходят во все стороны от шахты на одном уровне. За ними кубрик и камбуз – по разные стороны шахты. Открыты. Далее склады с припасами, хозяйственным инвентарем и прочим хламом...

Дома нет. Нет никакого-то там дома, а моего! Мостик так же отрезан. Переборки задраены! Я – бортовой компьютер корабля «—«... Я даже не помню имя...

– Капитан?..

– Не ищи, нет никого..."

На этом стенограмма заканчивалась. Судя по цифрам, идущим далее – телеметрия подтверждала полную гибель корабля.

Нам дали около десяти минут для ознакомления, но прошло больше четверти часа пока первый из нас не нарушил молчание.

– Что все это значит? Что с экипажем? – Это был доктор Фиджи, ведущий хирург госпиталя колонии, член Правления и, одновременно, консультант ИГЛЫ по криокамерам. Именно он занимался работами по совершенствованию физиологической составляющей капсул сна, то есть вопросами поддержания тел жизнеспособными в режимах длительных перелетов, а также механизмами быстрого пробуждения. К слову сказать, он был очень грамотным физиологом в дополнении к своему большому хирургическому опыту.

– По всей видимости, экипаж погиб вместе с кораблем, не выходя из криосна. – Отвечал глава ИГЛЫ, созвавший этот брифинг. – Судя по показателям приборов криокамеры отключались одна за другой с перерывом в три дня, не выводя объекты из сна – это могло привести только к физической остановке процессов жизнедеятельности организма, то есть смерти. Отключение происходило одновременно с обнулением искусственного интеллекта. Первое отключение произошло на четвертый день полета. Как говорится в прочитанном вами отчёте, процедура обнуления действительно была предусмотрена. Если не вдаваться в подробности, в которых, к слову говоря, мы сами ещё до конца не разобрались, то можно сказать что наш бортовой компьютер слетел с катушек, при этом его Искусственный Интеллект потерял свою "цель существования", а часть программного обеспечения, отвечающая за безопасность, решила, что корабль угрожает самому себе, и принялась поочередно уничтожать отсеки за

отсеком. В настоящее время наша специальная группа пытается смоделировать такую ситуацию, чтобы лучше разобраться в произошедшем. Но скажу вам честно, я не могу себе представить, как может сойти с ума бортовой компьютер корабля во время автономного полета, если только не произошло внешнее воздействие или атака на систему. Если верить показателям телеметрии, никакого контакта с посторонними объектами не было. Визуальное наблюдение за кораблем и окрестностями также не выявило вторжения. В общем, мы пока не можем объяснить произошедшее, поэтому решили хотя бы сообщить Правлению о возможной катастрофе. Так как второй межзвездник вышел в экспедицию спустя неделю после первого, и был укомплектован таким же программным обеспечением и системами безопасности и обеспечения жизнедеятельности, как и первый – вероятность повторения катастрофы очень высока. В худшем случае нам следует ждать второй челнок с черным ящиком дня через четыре.

Брифинг окончился, специалисты ИГЛЫ еще остались на закрытое совещание с представителями ВКФ и Капитаном

К сожалению, ничего кроме ожидания нам не оставалось. Связи со всеми экспедициями у нас не было – даже если бы сигналы шли со скоростью света, они догнали бы наши межзвездники только через несколько лет, в зависимости от того, как давно они вышли в экспедицию. Отправлять челноки с сообщением о возможной опасности им на встречу тоже не

имело большого смысла по той же причине.

Было принято решение приостановить запуск всех межзвездников до выяснения причин катастрофы. К месту аварии будет отправлен исследовательский шаттл и три боевых крейсера ВКФ. Всю операцию, как и вообще всю информацию об инциденте решено было оставить засекреченной, в том числе пока не информировать Солнечную систему – мы не исключали диверсию.

Правление, как, видимо, и руководство ИГЛЫ, было шокировано – такой катастрофы, связанной с выходом из строя системы управления кораблем, в новейшей истории космических полетов ещё не было. Никто не умалял важности человеческих потерь, но для института существовала также и реальная угроза потери репутации. А это могло повлечь за собой потерю финансирования. Для УльтраКосма ИГЛА была одним из важнейших источников доходов, и вся эта ситуация могла очень негативно отразиться на колонии. В общем, все с нетерпением ждали хоть каких-нибудь результатов расследования.

Обсуждая запись поведения бортового компьютера, мы обнаружили одно самое странное обстоятельство – почему он не мог определить свой пункт отправления? С пунктом назначения, действительно, можно было потеряться – корабль шёл просто к границе сферы, то есть в параметрах курса были точка отправления, курс и расстояние. Это грубо говоря. Естественно, были поправки на гравитационные поля,

но, в целом, курс был прямолинейным. Но даже если предположить, что корабль каким-то образом удалил из памяти все свои вводные данные по маршруту, с точкой старта определиться было достаточно просто – проложи обратный курс, и ты упрешься в нашу систему. То, что она обитаема, понять тоже просто – на расстоянии в пятнадцать световых суток ещё вполне возможно поймать следы нашего существования, начиная с радиоволн и заканчивая следами излучения двигателей наших кораблей.

По неизвестным причинам бортовой компьютер лишь рылся в самом себе и, скорее всего, в головах спящего экипажа, ища непонятно что. Нам нужны были ответы на все эти загадки, и как можно быстрее.

А в это время жизнь на станции и ее окрестностях шла своим чередом. ИГЛА решила нарастить свои производственные мощности. Ее нынешнего опытного производства уже не хватало для отработки всех новых технологий, и началось строительство отдельного промышленного супер-модуля. С целью сохранить наше влияние на учёных, УльтраКосм настоял на своём участии в проекте. ИГЛА согласилась на тридцатипроцентную долю в проекте, но лишь в инвестициях, рабочий персонал должен был на сто процентов принадлежать ИГЛЕ. Взамен колония могла размещать заказы на собственные разработки – в размере не больше тех же тридцати процентов от объемов производственных мощностей нового модуля.

Но у УльтраКосма не было как таковых своих разработок – вся исследовательская деятельность велась до сих пор в ИГЛЕ. Участие же в проекте нового проммодуля позволяло нам получить некоторую долю самостоятельности в вопросах технического прогресса. И Правление решило организовать комиссию по инновационному развитию. Ее первой задачей стала разработка плана прикладного технического развития УльтраКосма на ближайшие пять и пятнадцать лет. Фундаментальными исследованиями мы заниматься не планировали, это оставалось за ИГЛОЙ. А вот доработать какой-либо тип транспорта под наши нужды, или проверить на деле работоспособность усовершенствованных нашими техниками биомодулей – это было нам необходимо.

Первым проектом стал Супер-Груз – сверх-ёмкий грузовоз для отправки товаров к Солнцу. Мы помнили, что минимальный объём транспорта с биомодулем ограничен толщиной поля в полметра. Но вот каков максимальный объём? Можно ли отправить к нашему Солнцу, допустим, астероид в десять километров диаметром? Или у нас есть возможность за один прыжок кинуть только крупный ударный крейсер? С точки зрения военных это не имеет большого значения, так как можно параллельно производить несколько прыжков. При этом максимальное их число в ограниченной части вселенной пока никто не рассчитывал. А вот для отправки грузов это было бы интересно – огромный паром, перемещающий кучу грузов от нас к Солнцу и обратно, а на

местах его разгружают мелкие суда. Ведь реакторы для скачков существенно дороже реакторов, которые применяются для полетов в пределах звездной системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.